

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС

М. Н. Семякин*

ЮРИДИЧЕСКАЯ ТЕХНИКА В МЕТОДОЛОГИИ ЦИВИЛИСТИЧЕСКОГО ПРАВОВЕДЕНИЯ

В статье анализируются научные взгляды на конструкцию «юридическая техника», ее структуру, соотношение со смежными категориями. Автор показывает, что юридическая техника не только выполняет организационно-техническую функцию, но и служит важным средством познания цивилистической действительности.

Ключевые слова: юридические средства, приемы, способы, технологии, методики, логико-языковые конструкции, гражданское законодательство, цивилистическая практика

Юридическая техника нередко рассматривается лишь в сугубо практическом контексте – как организационно-технические средства, выполняющие вспомогательную функцию в процессе разрешения практических задач. Безусловно, не отрицая значения этой функции, следует подчеркнуть важность юридической техники и на более высоком, интеллектуально-познавательном уровне. Юридическая техника не только является прикладной конструкцией, но и «нагружена» «знаниевыми» элементами и поэтому выполняет также познавательную, методологическую функцию в осмыслении цивилистической действительности, в том числе такого ее феномена, как частная собственность.

Инструменты юридической техники тесно связаны с юридической деятельностью: с одной стороны, они вырабатываются в процессе ее осуществления, а с другой – способствуют повышению эффективности указанной деятельности, ее познанию и дальнейшему развитию.

В юридической литературе под юридической техникой понимается совокупность средств, способов (приемов), применяемых в той или иной сфере. Так, по мысли С. С. Алексеева, юридическая техника – это совокупность средств и приемов, используемых в соответствии с правилами, действующими при выработке и систематизации правовых (нормативных) актов¹. Аналогично определяет сущность юридической техники А. Ф. Черданцев, лишь несколько расширяя область ее применения: подготовка, составление, оформление юридических документов, их систематизация и учет².

Однако в понимании значения терминов «юридические средства», «приемы (способы)» наблюдается широкая полисемия. Например, С. С. Алексеев, не опре-

* Семякин Михаил Николаевич – профессор кафедры гражданского права Уральского государственного юридического университета, доктор юридических наук, профессор (Екатеринбург), e-mail: Misha2008@uralweb.ru.

¹ Алексеев С. С. Общая теория права. М., 1982. Т. 2. С. 267.

² Черданцев А. Ф. Теория государства и права. М., 1999. С. 366.

деляя, по сути, понятие «технические средства», называл лишь некоторые охватываемые им элементы: юридические конструкции, терминология и т. п. Что касается способа изложения норм, например системы отсылок, то, по мнению указанного автора, их следует считать «правовой технологией»¹. Сходную позицию занимает Н. А. Власенко, отмечая, что термин «юридическая технология» отвечает на вопрос: «Как делать, в какой последовательности осуществлять те или иные операции?», а термин «юридическая техника» – «С помощью каких средств и приемов осуществляются технологические операции?»². Данную точку зрения разделяет В. М. Баранов³.

В. Н. Карташов предложил для характеристики правил выполнения юридической работы отказаться от традиционного термина «юридическая техника», заменив его более общим термином «юридическая технология», включающим в себя три элемента: 1) юридическая техника – средства достижения практических целей (общесоциальные: язык, цифры, понятия, нормы и т. п.; специально-юридические: правовые понятия, конструкции, правовые предписания и т. д.; технические: компьютеры, фотоаппараты и т. д.); 2) юридическая тактика – совокупность интегрированных приемов, способов и методов юридической практики или основы ее организации и планирования; 3) юридическая стратегия – способы достижения наиболее существенных и окончательных целей и задач, иначе – перспективное планирование и прогнозирование юридической практики⁴.

Приведенный дискурс строится на недостаточно корректной основе: разные авторы исходят из разного понимания слова «термин», целей, структуры и сферы его применения. Между тем сегодня в филологии, философии и иных областях знания немало научных разработок посвящено исследованию сущности терминологии, ее структуры, системы и т. д. Так, Н. А. Баскаков определяет термин как точно соответствующее обозначаемому понятию устойчивое, моносемичное, т. е. однозначное, и соотнесенное с другими терминами внутри данной отрасли терминологии слово или словосочетание⁵. Т. Р. Кияк, говоря о системности термина, указывает: «Термин может существовать лишь как элемент терминосистемы, если под последней подразумевать упорядоченную совокупность терминов, адекватно выражающих систему понятий теории, описывающей некоторую специальную сферу человеческих знаний или деятельности»⁶. Таким образом, термин мыслится лишь как элемент определенной терминосистемы, относящейся к той или иной специальной сфере человеческих знаний или деятельности.

С этих позиций не представляется возможным относить к одной «терминосистеме» («юридическая техника») такие разные элементы, как, с одной стороны, правовые понятия, конструкции, правовые предписания и т. д., а с другой – компьютеры, принтеры, фотоаппараты и т. п. Здесь необходимо четко различать сами материальные объекты как таковые (вещи) и те интеллектуальные технологии, которые в них воплощены. Например, справочная правовая система «Консульт

¹ Алексеев С. С. Общая теория права. С. 268.

² Власенко Н. А. Законодательная технология (Теория. Опыт. Правила): учеб. пособие. Иркутск, 2001. С. 9.

³ Баранов В. М. Проблемы юридической техники. Н. Новгород, 2000. Т. 1. С. 13.

⁴ Карташов В. Н. Юридическая техника, тактика, стратегия, технология (к вопросу о соотношении) // Проблемы юридической техники. Н. Новгород, 2000. Т. 1. С. 16–23. Более подробно анализ различных позиций авторов по поводу понятия юридической техники см.: Кашанина Т. В. Юридическая техника в сфере частного права (Корпоративное и договорное нормотворчество): учеб. пособие. М., 2014. С. 23–26.

⁵ Баскаков Н. А. Современное состояние терминологии в языках народов СССР // Вопросы терминологии. М., 1961. С. 57.

⁶ Кияк Т. Р. Лингвистические аспекты терминоведения: учеб. пособие. Киев, 1989. С. 7.

тантПлюс» – важная технология поиска и ознакомления с нормативным и иным материалом и поэтому вполне может быть отнесена к системе юридико-технического инструментария (но не компьютер как вещь).

Термины «юридическая тактика» и «юридическая стратегия» вряд ли имеют прямое отношение к юридической технике в контексте рассматриваемой проблематики; они употребляются главным образом в области криминалистики.

Что касается структуры термина «юридическая техника», выделения в рамках последней «юридических средств» и «юридических технологий» («способов» и т. п.), то нужно иметь в виду «почти регулярную многозначность некоторых технических терминов, обусловленную соответствующим словообразовательным процессом общелитературного языка: ср. *смазка* (вещество) – *смазка* (процесс), *верстка* (первый корректурный оттиск) – *верстка* (процесс), *проводка* (материал) – *проводка* (процесс) и т. п.»¹. Аналогично в правовой сфере под обзором практики можно понимать и юридический документ, в котором обобщена определенная практика разрешения той или иной категории гражданских споров, и последовательность действий, приемов, способов и т. д. подготовки информации, отражающей некоторый практический опыт.

Таким образом, термины «юридические средства» и «юридические технологии» – это разные, хотя и весьма близкие знаковые единицы с несовпадающими значениями, относящиеся к правовой сфере.

Оценивая роль признаков (оснований деления) в формировании логико-понятийной структуры терминологии, следует различать два случая: 1) каждый признак, используемый в классификации, применим к любому понятию (или объекту) всего множества классифицируемых понятий (или объектов); 2) имеется хотя бы один признак, который применим не ко всем понятиям (объектам), а только к их части². В первом случае, как считают Т. Л. Кандалаки и Г. Г. Самбунова, говорят о независимости признаков и о получающейся «классификации параллельного типа», а во втором – о зависимости признаков и о «классификации последовательного типа»³.

Исходя из этого, в логико-понятийной структуре термина «юридическая техника» можно выделить две классификационные группы «параллельного типа»: юридические средства и юридические способы, приемы, методики и иные «технологии» ведения юридической работы, составления юридических документов и т. д. Таким образом, юридическая техника – это совокупность юридических средств, а также способов, приемов, методик, техник и иных «технологий», связанных с осуществлением юридической деятельности, в том числе познавательного характера, в соответствии с установленными правилами (требованиями).

Среди средств юридической техники можно выделить такие, как юридические конструкции, терминология, юридический язык, логические конструкции, понятия, нормы права и т. д. Например, конструкции юридического лица, договора (публичный договор, договор присоединения, предварительный договор, рамочный договор, опционный договор) и другие юридико-технические модели играют очень важную роль как в практической, так и в познавательной цивилистической деятельности.

Говоря о способах действия (технологиях) как элементах цивилистической техники, можно выделить способ толкования гражданско-правового договора,

¹ Шелов С. Д. Термины. Терминологичность. Терминологические определения. СПб., 2003. С. 13.

² Там же. С. 89.

³ Кандалаки Т. Л., Самбунова Г. Г. Вопросы моделирования систем знаний упорядоченных терминологий // Современные проблемы терминологии в науке и технике. М., 1969. С. 23.

когда судом во внимание принимается прежде всего буквальное значение содержащихся в нем слов и выражений, а в случае его неясности это значение устанавливается путем сопоставления с другими условиями и смыслом договора в целом (ст. 431 ГК РФ). Сюда же можно отнести технику заключения договора и т. п. В цивилистической практике в ряде случаев используются и иные юридические техники: техника оформления результатов торгов, техника составления «дорожной карты» при проведении торгов¹.

Что касается приемов юридической техники, то здесь можно назвать такие действия, как отсылки к другим нормативным правовым актам, отсылки к соответствующим нормам права и т. д.

В цивилистике как элементы юридической техники достаточно широко используются различного рода методики: методики определения объема причиненных убытков, методики анализа и обобщения судебной цивилистической практики, методики подготовки и составления инструктивных писем² и т. д.

В ходе своего развития цивилистические технологии могут объединяться в сложные по структуре научно-практические комплексы, которые нередко именуется научно-практическими комментариями: комментарии Гражданского кодекса РФ, иных нормативных правовых актов; постановления Пленума Верховного Суда РФ.

Юрико-технический инструментарий применяется не хаотично, а в установленном порядке, в соответствии со сформировавшимися в юридической практике правилами (требованиями), обычаями, что способствует повышению уровня организации и эффективности правовой работы, «оттачиванию» навыков и умений работников в правовой сфере, накоплению и совершенствованию правового опыта.

Понятие «техника» употребляется в нескольких значениях. Во-первых, в самом широком смысле техникой называют искусственную сферу, созданную человеком, которая противостоит естественной среде, данной природой. Во-вторых, техникой именуют сами орудия, средства труда, технические приспособления, а технологиями – способы и приемы их использования в практической деятельности. В-третьих, под техникой (технологией) нередко понимают знания, связанные с использованием различных технических средств, устройств, технологий.

В литературе технические, технологические знания часто противопоставляются науке, научному знанию, при этом подчеркивается, что задача науки – изучение законов и закономерностей природы, общества, мышления, а задача техники и технологии – воплощение научного знания в машины, механизмы и т. д., эффективные методы и приемы человеческой деятельности³.

В правовой сфере знания, связанные с использованием юридической техники, прежде всего аккумулируют практический опыт, выработанный в ходе осуществления различных видов юридической деятельности: правотворческой, правоприменительной, интерпретационной и др. Однако значит ли это, что указанные знания относятся лишь к практической стороне юридической деятельности и не носят теоретического, научного характера, а следовательно, не могут выполнять методологическую функцию как средства (способы) познания цивилистической действительности?

¹ Пункт 6.3 Плана мероприятий («дорожной карты») «Развитие конкуренции и совершенствование антимонопольной политики», утв. распоряжением Правительства РФ от 28 декабря 2012 г. № 25679-р.

² Инструктивные письма получили широкое распространение в деятельности Высшего Арбитражного Суда РФ.

³ Исаков В. Б. Правовая аналитика: учеб. пособие. М., 2016. С. 44.

В связи с этим необходимо отметить, что в современных условиях юридическая техника, в особенности в цивилистической сфере, достигла достаточно высокого уровня развития как комплекс различных методик, техник, практик осуществления юридической деятельности, аккумулирования практического опыта, который при определенных условиях может осмысливаться на уровне научных знаний. По мысли специалистов в области системных исследований И. В. Блауберга, Э. Г. Юдина, юридическая техника – это «набор процедур, обеспечивающих получение единообразного и достоверного эмпирического материала и его первичную обработку, после которой он только и может включаться в массив наличного знания»¹. Для цивилистической юриспруденции такими «процедурами» выступают, в частности, методики обобщения правоприменительной практики по определенной категории гражданских дел, процедуры применения гражданского законодательства, его интерпретации. Данный уровень познания и практической деятельности в цивилистике является достаточно разработанным и определенным.

Таким образом, знания, связанные с применением юридической техники, могут включаться в массив научного цивилистического знания и соответственно выделяться в подсистеме метода цивилистического правопедения не прямо, а лишь через их научную обработку и формулирование в виде тех или иных научных категорий, терминов, понятий.

В юридической литературе по поводу характера знаний о юридической технике, их структуре и месте в системе теоретического правопедения высказаны различные соображения. Так, одни исследователи считают, что знания о юридической технике представляют собой самостоятельную юридическую науку, имеющую прикладной характер. В частности, по мнению В. М. Сырых, задача юридической техники – познание эмпирических закономерностей и внедрение теоретических знаний в практическую юридическую сферу. Закономерности такого рода, как полагает автор, есть результат обобщения позитивного законотворческого опыта или конкретизации какого-либо теоретического положения применительно к специфике законодательной деятельности². Аналогичной позиции придерживается М. Л. Давыдова, уточняя, что «если юридическая техника как научная дисциплина и существует, то находится на начальной, доказательственной стадии своего развития»³.

Другие авторы более осторожно высказываются о «статусе» знаний, относящихся к юридической технике. Так, Т. В. Кашанина считает, что «большинство ученых согласны с тем, что в лоне теории права появилось относительно автономное научное направление – юридическая техника»⁴.

Полагаем, что в настоящее время вряд ли есть достаточные онтологические и гносеологические основания для того, чтобы конституировать знания о юридической технике как о самостоятельной юридической науке, пусть даже и с оговоркой, что она имеет прикладной характер. Такой вывод подтверждается, например, тезисом о том, что «предмет юридической техники образуют закономерности соз-

¹ Блауберг И. В., Юдин Э. Г. Становление и сущность системного подхода. М., 1973. С. 71.

² Сырых В. М. Предмет и система законодательной техники как прикладной науки и учебной дисциплины // Законодательная техника в современной России: состояние, проблемы, совершенствование. Н. Новгород, 2001. Т. 1. С. 9 и след.

³ Давыдова М. Л. Юридическая техника (общая часть). Волгоград, 2009. С. 26.

⁴ Кашанина Т. В. Юридическая техника. М., 2007. С. 24. Более подробно о позициях авторов по вопросу о юридической технике см.: Власенко Н. А., Абрамова А. И., Чернобель Г. Т. и др. Юридическая техника: учеб. пособие. 2-е изд., перераб и доп. М., 2016. С. 18–21 (параграф 1.1 гл. 1 – автор Н. А. Власенко).

дания и эффективного функционирования права»¹, а это представителями общетеоретического правоведения вряд ли может быть воспринято положительно.

В цивилистике, к сожалению, сложилась парадоксальная ситуация, когда исследованию юридической техники на научном уровне уделяется крайне мало внимания, хотя именно цивилистическая юридическая техника, без преувеличения, является самой развитой из всего существующего сегодня отраслевого юридико-технического инструментария.

Думается, что в сфере гражданского правоведения знания о юридической технике представляют собой комплексное теоретическое образование; они тесно связаны с различными областями познания цивилистической действительности: правотворческой, правоприменительной, интерпретационной и др. Цивилистические техники не просто выполняют организационно-техническую функцию в процессе осуществления той или иной деятельности; их научный анализ имеет большое методологическое значение для познания этой деятельности, а значит, оправданным представляется включение его в методологию цивилистической науки в качестве ее подсистемы.

В рамках указанной подсистемы метода цивилистического правоведения могут быть использованы такие инструменты юридической техники, как средства и способы цивилистического правотворчества, договорного регулирования, правоприменения, интерпретации и др. Анализ названного и иного юридико-технического инструментария, обобщение практического опыта его применения позволяют получить знания, имеющие научное, методологическое значение.

Так, использование в цивилистической методологии анализа юридической техники подготовки и принятия гражданско-правовых нормативных актов позволяет получить новые знания о цивилистической действительности. Необходимо исследовать, во-первых, способно ли общественное отношение подвергаться правовому (в частности, гражданско-правовому) регулированию; во-вторых, если это возможно, то насколько эффективным будет такое регулирование; в-третьих, относится ли указанное общественное отношение к предмету гражданского права и если да, то к какой конкретно области предмета гражданского права; в-четвертых, какие здесь могут быть использованы методы (способы), связанные с приданием данному общественному отношению гражданско-правовой формы; в-пятых, целесообразно ли это общественное отношение урегулировать посредством издания закона либо иного нормативного правового акта; в-шестых, какие могут возникнуть проблемы в связи с обеспечением законности принимаемого нормативного правового акта, охраной прав и свобод человека и гражданина и т. д.

Все это достаточно сложные вопросы. Так, наряду с обычным пониманием конструкции прав и свобод человека в юридической литературе предлагается расширенное правило законодательной техники в указанной области: нормативные акты должны приниматься в интересах граждан². Данное требование непосредственно в законодательстве не закреплено и выводится из анализа правотворческой деятельности, ее цели и задач, сущности законодательства и т. д.

Исследование техники конструирования норм частного права обуславливает необходимость прояснить само понятие таких норм, обозначить их особенности, виды. Специфика юридической конструкции частноправовых установлений в значительной мере связана с видовыми различиями норм частного права, сферой их функционирования: договорные, корпоративные нормы, иные индивидуальные правила.

¹ Давыдова М. Л. Юридическая техника (общая часть). С. 27.

² Васильев Р. Ф. Правовые акты органов управления. М., 1970. С. 90.

Конструирование общих норм частного права есть не только юридико-технический прием, используемый законодателем для изложения нормативного материала, но и форма выражения политики государства в той или иной сфере частноправовой действительности. Так, в настоящее время кардинально изменилась юридическая конструкция недействительности сделки. Если ранее по общему правилу сделка, противоречащая закону, объявлялась ничтожной, то в настоящее время такая сделка квалифицируется как оспоримая (ст. 168 ГК РФ).

Данное положение в цивилистическом научном сообществе вызвало неоднозначную реакцию, в том числе негативную, поскольку в последнем случае сделка будет считаться действительной и, следовательно, должна исполняться как любая нормальная сделка. Однако, как представляется, указанная позиция законодателя, выраженная в юридической конструкции недействительности сделки, нарушающей требования закона или иного правового акта, есть не просто юридико-технический прием, а отражение вполне определенной политики государства в частноправовой сфере, направленной на ограничение вмешательства публичной власти в частную жизнь с тем, чтобы не подменять волю и интерес частных лиц.

Специфика тех или иных сфер частноправовой действительности позволяет объяснить особенности используемых при этом средств юридической техники, ее значение при осуществлении различных видов юридической деятельности. Так, цивилистический юридико-технический инструментарий, его содержание и структура существенно различаются в зависимости от сферы его использования: правотворческой (издание законов, иных нормативных правовых актов, актов федеральных органов исполнительной власти), корпоративном нормотворчестве, договорном «нормотворчестве» (индивидуальные акты), что, к сожалению, далеко не всегда учитывается в практической деятельности. Например, с этих позиций трудно объяснить, зачем законодателю понадобилось столь подробно и детально регулировать содержание корпоративного договора (ст. 67² ГК РФ), особенно с учетом того, что это достаточно специфическая частноправовая сфера, где сами участники корпорации могут и должны максимально проявлять свою волю и частный интерес, связанный с управлением делами корпорации, и т. д.

Аналогично в договорном «нормотворчестве» законодатель во многих случаях, как представляется, излишне подробно регламентирует договорные условия, последствия их отсутствия и т. д., не учитывая в должной мере того, что договор – это индивидуальный акт («закон» для двоих), где публичное нормативное регулирование следует свести к «минимуму» (лишь там, где это действительно существенно затрагивает публичный интерес), а сторонам договора – предоставить максимально широкую возможность самим проявлять свою волю и частный интерес.

Большое значение с точки зрения как юридической техники, так и методологии имеет исследование логико-языковых цивилистических конструкций. Право тесно связано с информацией, которая представляет собой единство знаковой формы и информационного содержания – идеальных мыслительных объектов. Идеальные объекты в сфере права с помощью языка обретают материальную форму, становятся доступными для восприятия субъектами – участниками правоотношений. Язык не только делает идеальные объекты в праве воспринимаемыми, но и придает им объективность и независимость в том смысле, что они обретают некоторую самостоятельность даже от их «генераторов»; более того, заставляют этих «генераторов» учитывать существование данных объектов¹. Например, стороны гражданско-правового договора в дальнейшем связаны его условиями.

¹ Черданцев А. Ф. Логико-языковые феномены в юриспруденции. М., 2015. С. 13.

Таким образом, идеальные объекты в праве как логико-языковые феномены выступают в единстве мысли (содержания) и знака (языка, формы). При этом их логико-языковая природа различна, что необходимо учитывать в процессе как методологического познания, так и практической деятельности.

Логико-языковые феномены в праве обычно подвергаются анализу с позиций юридической техники, однако названные конструкции наряду с их практическим значением выполняют и гносеологические (познавательные) функции. С этой точки зрения представляется верным замечание о том, что «словарный состав языка права обычно описывается в контексте юридической техники, что сужает его до языка закона и вычеркивает доктринальный компонент»¹. Семантический аспект языка сориентирован преимущественно на познавательную деятельность. «С точки зрения семиотики, – отмечал Г. Клаус, – описание, предсказание, объяснение относятся к области теоретико-познавательной семантики...»². Функциональная особенность гражданско-правовой системы оказывает существенное влияние на «отбор» логико-языковых конструкций, которые здесь имеют не только юридико-техническое, но и познавательное (методологическое) значение.

Для наук, чьи объекты исследования – это знаковые, языковые системы (к таковым относится и цивилистическое право), большое значение имеет различие языка (язык первой ступени) и метаязыка (язык второй ступени)³. В цивилистической науке в качестве объектного языка – языка первой ступени – выступает язык гражданского законодательства, а в качестве метаязыка – язык цивилистической науки и практики. Поэтому при анализе тех или иных цивилистических терминов, понятий, словосочетаний и т. д. следует четко различать, к какому уровню языка относится соответствующая логико-языковая конструкция.

Примечательно, что современные специалисты в языке права выделяют четыре «слоя»: базисная лексика – слова и словосочетания живого, естественного языка; специально-юридическая доктринальная лексика – юридическая терминология, не применяемая в официальных правовых документах, но циркулирующая в научной и учебной юридической литературе, конвенциональном и раскрепощенном профессиональном общении; специально-юридическая нормативная лексика – юридическая терминология, используемая в формулировках правовых актов; специально-техническая (неюридическая) лексика – термины, заимствованные из иных областей науки и техники⁴.

Следует иметь в виду, что термины и понятия разных уровней языка по объему и содержанию могут как совпадать, так и различаться. Например, термины «физическое лицо», «юридическое лицо» имеют одинаковое значение как в гражданском законодательстве, так и в цивилистической науке. Напротив, понятие договора в языке гражданского законодательства и практики обычно интерпретируется как соглашение (юридический факт), в силу которого одна сторона (должник) обязуется в пользу другой стороны (кредитора) передать определенную вещь, выполнить работу, оказать услугу и т. д. Что касается цивилистической науки, то здесь указанному понятию придается более широкое значение: договор (соглашение) как юридический факт, договор как обязательственное правоотношение, договор как письменный документ.

Аналогично словосочетание «гражданское законодательство» на уровне языка цивилистической практики понимается в узком смысле: Гражданский кодекс

¹ Синченко Г. Ч. Язык права. Статья I. Призрак многослойности // Науч. вестн. Омской акад. МВД России. 2016. № 4. С. 63.

² Клаус Г. Сила слова. М., 1967. С. 169.

³ Черданцев А. Ф. Указ. соч. С. 17.

⁴ Синченко Г. Ч. Указ. соч. С. 63.

РФ и принятые в соответствии с ним иные федеральные законы, регулирующие гражданские отношения (абз. 1 п. 2 ст. 3 ГК РФ). В научном цивилистическом познании «гражданское законодательство» может интерпретироваться и широко – как совокупность законодательных и иных нормативных правовых актов, направленных на установление, изменение, дополнение и т. д. норм гражданского права.

Ряд терминов используется в цивилистическом научном языке и почти не употребляется в языке гражданского законодательства. Так, термины «фикция», «секундарное право», «гражданско-правовая форма», «юридическая квалификация» и др. широко представлены в языке цивилистической науки и практики, однако очень редко применяются в текстах (языке) цивилистического закона.

Разрабатывая те или иные логико-языковые феномены – знаки (термины, терминологические конструкции и т. д.), нельзя упускать из внимания их теоретико-познавательный семантический аспект. Так, в результате принятия совместного постановления Пленума Верховного Суда РФ, Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 29 апреля 2010 г. № 10/22¹ появился новый, как представляется, крайне неудачный способ защиты гражданских прав – иск о признании права (обременения) отсутствующим, что, к сожалению, получило поддержку некоторых исследователей². Прежде всего вызывает недоумение семантическое содержание данной языковой конструкции: как можно признавать право (обременение) отсутствующим, если оно реально существует, например, в силу того, что зарегистрировано компетентным органом государственной власти по регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним?

Названные высшие судебные инстанции в абз. 4 п. 52 указанного постановления приводят случаи, когда право собственности на один и тот же объект недвижимости зарегистрировано за разными лицами. Однако можно ли здесь использовать конструкцию иска о признании права отсутствующим? Думается, что нет. Поскольку право собственности обоих таких лиц зарегистрировано в установленном законом порядке компетентным органом государственной власти, а также в силу того, что государственная регистрация в настоящее время обладает такими свойствами, как публичность, достоверность, всеобщая обязательность и т. д., то отсюда однозначно следует вывод о том, что зарегистрированное в установленном порядке право собственности (даже если в результате этого нарушено субъективное право другого лица) является реально существующим и применительно к нему действует презумпция его легитимности, достоверности и т. д., а потому такое право не может быть признано «отсутствующим».

Иное дело, если в результате такой регистрации нарушено субъективное право другого субъекта; в таком случае последний может предъявить иск о признании в судебном порядке зарегистрированного права недействительным. Однако это уже иной способ защиты нарушенного права, ничего общего не имеющий с таким плеоназмом, как «признание права отсутствующим». С методологической точки зрения конструкция иска о признании права (обременения) отсутствующим не только не выполняет никакой гносеологической (познавательной) функции, а напротив, способна ввести исследователя в заблуждение.

В контексте сказанного также вызывает недоумение семантическое содержание и некоторых других терминологических конструкций. Так, в современном

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ, Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 29 апреля 2010 г. № 10/22 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав».

² Гражданско-правовые способы защиты права собственности на недвижимость: науч.-практ. пособие по применению гражданского законодательства / под общ. ред. В. Н. Соловьева; науч. ред. С. В. Потапенко. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2012. С. 56.

языке гражданского законодательства (абз. 2 п. 3 ст. 166 ГК РФ), а вслед за ним и в некоторых научных источниках используется такая словесная конструкция, как «признание ничтожной сделки недействительной», что с теоретико-познавательной позиции лишено всякого смысла. Ибо ничтожная сделка по определению является недействительной (ничтожной), причем уже с момента ее совершения, и, следовательно, не нуждается в признании ее недействительной (ничтожной). Другое дело, когда в соответствующих случаях возникает необходимость констатации в судебном порядке факта ничтожности сделки для применения последствий такой недействительности. Однако это уже иная постановка вопроса.

Говоря об использовании логических конструкций в праве, в том числе гражданском, с гносеологических позиций важно выяснить, возможно ли вообще вести речь о логике права, иначе – имеет ли право свою логику, отличную, скажем, от формальной логики.

В юридической литературе по этому поводу высказаны разные суждения. Так, С. С. Алексеев в работе «Восхождение к праву. Поиски и решения» логике права посвятил отдельную главу, где отметил, что «право представляет собой логическую систему»¹, оно тесно связано с формальной логикой, однако «логика права не тождественна ни формальной, математической, алгебраической логике, ни диалектической, ни какой-либо другой... Это особая, именно юридическая, логика»². Иного мнения придерживается А. Ф. Черданцев, полагая, что «никакой особой логики права или юридической логики не существует (курсив наш. – М. С.), никаких специфических законов, правил мышления в сфере права не сформулировано»³.

В данном дискурсе, как представляется, необходимо прежде всего определить исходные терминологические позиции. Логика права, по мысли С. С. Алексеева, – «это логика жизни права, то, что выражает закономерности появления на свет, технология бытия и функционирования... факт логики цивилизации...»⁴. В этом контексте применительно, например, к частному праву можно обнаружить некоторые закономерности его становления, функционирования («жизни», «бытия») и т. д. Однако вряд ли корректно указанные явления именовать «логикой» частного права. Продолжая эту мысль, можно выделить достаточно большое количество «логик» подобного типа: «логику» частноправового регулирования, «логику» развития частного права, «логику» применения частного права, «логику» взаимодействия частного права с публичным правом, «логику» частноправового мышления и т. п., что вряд ли можно признать научно обоснованным. Как справедливо подчеркивает А. А. Зиновьев, «логика едина для всех наук»⁵.

В цивилистической практике нередко используются логические силлогизмы. В частности, при квалификации договоров, иных сделок большой посылкой является определенная норма гражданского права, а в качестве малой посылки выступает конкретная жизненная ситуация (совершенная сделка), которую необходимо «подвести» под условия (признаки), указанные в норме права, после чего делается соответствующий вывод (заключение).

Логические конструкции в правовой сфере не только имеют юридико-техническое (практическое) значение, но и, будучи рассмотренными на уровне научных категорий, выполняют познавательную (методологическую) функцию. Так, в разд. III «Общая часть обязательственного права» Гражданского кодекса РФ

¹ Алексеев С. С. Восхождение к праву. Поиски и решения. М., 2001. С. 357.

² Там же.

³ Черданцев А. Ф. Указ. соч. С. 21–22.

⁴ Алексеев С. С. Восхождение к праву. Поиски и решения. С. 357–358.

⁵ Зиновьев А. А. Фактор понимания. М., 2006. С. 125.

выделены два подраздела, посвященных соответственно общим положениям об обязательствах и общим положениям о договоре. Исходя из буквального смысла названий данных подразделов можно сделать вывод о том, что первый из них охватывает общие положения о всех типах гражданско-правовых обязательств: договорных, внедоговорных (деликтных, кондикционных), а второй – общие положения, относящиеся только к договорным обязательствам.

На практике и в теории возникает немало вопросов, касающихся соотношения общих положений об обязательствах с общими положениями о договоре. В настоящее время в порядке реализации Концепции развития гражданского законодательства в Гражданском кодексе РФ появилась новая норма, согласно которой к обязательствам, возникающим из договоров (договорным обязательствам), общие положения об обязательствах применяются, если иное не предусмотрено правилами об отдельных видах договоров, а при их отсутствии – общими положениями о договоре (п. 1 ст. 307¹ ГК РФ).

Таким образом, в процессе регулирования договорных отношений в случае возникновения «несогласованности» либо противоречий между нормативными установлениями различных уровней законодатель отдает предпочтение специальным правилам об отдельных видах договоров.

На первый взгляд такое правило вполне логично. Однако при более глубоком научном анализе выясняется, что здесь не учитывается в необходимой мере диалектика соотношения общего (общие положения об обязательствах), особенного (общие положения о договоре) и отдельного (правила об отдельных видах договоров). Сущностные признаки (черты) «общего» всегда проявляются в «особенном» наряду с его отличительными (специфическими) свойствами, и в этом смысле «особенное» не может противоречить и должно подчиняться «общему».

С этих позиций приведенное установление (п. 1 ст. 307¹ ГК РФ), касающееся соотношения общих положений об обязательствах с общими положениями о договоре и правилами об отдельных видах договоров, нуждается в некотором уточнении. В частности, в случаях, когда общие положения о договоре либо правила об отдельных видах договоров противоречат сущностным моментам, закрепленным в общих положениях об обязательствах, должны применяться именно последние. Например, в общих положениях об обязательствах предусмотрен важнейший принцип, характерный для всего обязательственного права: при установлении, исполнении обязательства и после его прекращения стороны обязаны действовать *добросовестно*, учитывая права и законные интересы друг друга, взаимно оказывая необходимое содействие для достижения цели обязательства, а также предоставляя друг другу необходимую информацию (п. 3 ст. 307 ГК РФ). Поэтому если общие положения о договоре либо те или иные конкретные правила об отдельных видах договоров противоречат указанному принципу, то приоритет, безусловно, должен отдаваться положению, устанавливающему принцип добросовестности, как имеющему основополагающее значение для всей сферы обязательственного права.

С учетом сказанного можно сделать следующие краткие выводы.

Во-первых, терминологически необходимо различать средства юридической техники (нормы права, термины, понятия, юридические конструкции и т. д.) как то, что используется в процессе осуществления юридической деятельности для достижения той или иной практической, учебной, научной цели.

Во-вторых, от средств юридической техники необходимо отличать такие специфические формы юридической деятельности, как методы, способы, приемы

и т. д., представляющие собой процедуры (способы толкования договора, техника применения норм гражданского права, методики определения убытков и т. д.), с помощью которых должна осуществляться указанная деятельность.

В-третьих, средства, методы, способы, приемы юридической техники не только выполняют организационно-техническую функцию в процессе осуществления юридической деятельности, но и, будучи осмысленными на научном уровне, играют важную роль как методологические факторы, генерализующие процесс познания цивилистической действительности.

В-четвертых, знания о цивилистической юридической технике выступают в качестве обособленного комплексного теоретического образования в системе методологии цивилистического правоповедения.

Список литературы

Алексеев С. С. Восхождение к праву. Поиски и решения. М., 2001.

Алексеев С. С. Общая теория права. М., 1982. Т. 2.

Баранов В. М. Проблемы юридической техники. Н. Новгород, 2000. Т. 1.

Баскаков Н. А. Современное состояние терминологии в языках народов СССР // Вопросы терминологии. М., 1961.

Блауберг И. В., Юдин Э. Г. Становление и сущность системного подхода. М., 1973.

Васильев Р. Ф. Правовые акты органов управления. М., 1970.

Власенко Н. А. Законодательная технология (Теория. Опыт. Правила): учеб. пособие. Иркутск, 2001.

Власенко Н. А., Абрамова А. И., Чернобель Г. Т. и др. Юридическая техника: учеб. пособие. 2-е изд., перераб и доп. М., 2016.

Гражданско-правовые способы защиты права собственности на недвижимость: науч.-практ. пособие по применению гражданского законодательства / под общ. ред. В. Н. Соловьева; науч. ред. С. В. Погапенко. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2012.

Давыдова М. Л. Юридическая техника (общая часть). Волгоград, 2009.

Зиновьев А. А. Фактор понимания. М., 2006.

Исаков В. Б. Правовая аналитика: учеб. пособие. М., 2016.

Кандалаки Т. Л., Самбурова Г. Г. Вопросы моделирования систем знаний упорядоченных терминологий // Современные проблемы терминологии в науке и технике. М., 1969.

Карташов В. Н. Юридическая техника, тактика, стратегия, технология (к вопросу о соотношении) // Проблемы юридической техники. Н. Новгород, 2000. Т. 1.

Кашанина Т. В. Юридическая техника в сфере частного права (Корпоративное и договорное нормотворчество): учеб. пособие. М., 2014.

Кашанина Т. В. Юридическая техника. М., 2007.

Кияк Т. Р. Лингвистические аспекты терминоведения: учеб. пособие. Киев, 1989.

Клаус Г. Сила слова. М., 1967.

Синченко Г. Ч. Язык права. Статья I. Призрак многослойности // Науч. вестн. Омской акад. МВД России. 2016. № 4.

Сырых В. М. Предмет и система законодательной техники как прикладной науки и учебной дисциплины // Законодательная техника в современной России: состояние, проблемы, совершенствование. Н. Новгород, 2001. Т. 1.

Черданцев А. Ф. Логико-языковые феномены в юриспруденции. М., 2015.

Черданцев А. Ф. Теория государства и права. М., 1999.

Шелов С. Д. Термины. Терминологичность. Терминологические определения. СПб., 2003.